

Варвар снова являлся под утро. В последнее время всё стало заметно хуже. Обращение в безумное существо теперь происходило раньше, а его пребывание длилось дольше. Когда казалось бы Ча И Сок крепко засыпал, спустя два часа чудовище в нём неминуемо пробуждалось. Его зрачки становились другими. Это был не он.

Яба наконец решился и заявил, что если тот не прекратит жестоко с ним обращаться и буяннить, он не издаст ни звука. Тогда варвар присмирел. Получив песню за своё послушание, он снова взбесился и уснул. Яба собирался стереть с нижней части его тела липкие следы интимной близости и натянуть на него штаны, но не смог отвести взгляд от напряжённого члена в обрамлении лобковых волос.

Они соединяли тела бесчисленное количество раз, но Яба ни разу не трогал эту идеальных пропорций мошонку.

Юноша протянул руку и коснулся чёрных завитков. Их жёсткая структура ощущалась непривычно под ладонью. Взгляд непроизвольно опустился ниже. Когда пальцы коснулись тугих яичек, мышцы пресса дрогнули. Яба быстро одёрнул руку и поднял глаза, но монстр крепко спал. Видимо, тестикулы – средоточие чувств, потому реагируют на неуклюжее обращение. С благоговением словно следуя ритуалу, глазами и кончиками пальцев Яба запечатлел в своей памяти каждую складку и каждый изгиб.

К тому времени как Яба закончил утреннюю уборку было начало шестого. Войдя в ванную комнату, он забрался в душевую кабину. Нижняя часть тела отнималась, и он с трудом справлялся даже с душевой лейкой. Яба случайно задел взглядом отражение в зеркале. В последнее время он бездельничал, однако вес не небирал. Тем не менее оставшиеся при нём жировые отложения выглядели отвратительно. Юноша повернул кран и мелкие струи растворили солёный и липкий налёт прошедшей ночи.

«А-а-а-а...»

Тонкое сопрано, соединяясь с шумом воды, заполнило стоящую в центре кабину. Во время действия проклятия монстр требовал песен, и используя привычную манеру исполнения, Яба испытывал большую нагрузку на связки.

Рана зарастала и повязку сняли днём ранее. Но Яба всё равно обернул место операции полотенцем, чтобы помыть голову.

Панорманное окно открывало из ванной комнаты вид на ночной город. Разводы на мраморном полу и бледно-зеленая плитка, расчертившая стены шахматным узором, сочетали в этом месте холод и безграничность. Пар, заполнивший кабину, растворял внутренний интерьер и вид за окном. Яба ощутил себя в батискафе, рассекающем глубины океана. Сквозь молочную пелену светящиеся точки городских огней подмигивали словно фотофоры глубоководных обитателей. Перед глазами Ябы они сливались в золотые сети.

Яба встал под душ и нанёс на мочалку гель. Освежающая пена окружила его тело ароматными

объятиями. Одна из стен кабины была зеркальной. В её отражении возился толстозадый тюлень, пытаясь совладать с мочалкой. Хотя ему и удалось сбросить пару килограммов, о стройной внешности ещё не стоило и мечтать. Отмена проклятья не превратит жабу в красавца.

«Чёрт! Чёрт! Чёрт! Чёрт!»

Из под кожи поползли толпы поющих жуков. Яба смыл их струёй воды.

Снаружи послышался звук. Будто по мокрому полу шлёпали босые ноги. Яба замер и не смел даже моргнуть. Может, это Ча И Сок пришёл его искать? Завеса пара стирала очертания предметов. Монотонный гул вентиляции и шум воды сливались в оглушительный фон. Когда Яба решился повернуть кран, сквозь прозрачную стенку проступило лицо. На Ябу смотрели мрачные глаза. Бледный человек.

Яба не смог даже вскрикнуть.

Он уронил душ и опустился на корточки. Шланг, танцуя по дну кабины точно взбесившийся змей, брызгал водой во все стороны. Сердце не унималось.

Бледный человек исчез из виду. Яба слышал как тот протопал вокруг кабины. Юноша молниеносно заблокировал дверь.

«Клац! Клац!» – бледный человек тоже схватился за дверную ручку и потянул на себя.

- Пошёл вон!

Яба не собирался сдаваться, он держал дверь пока пальцы не побелели.

Его противник долго прятался в зеркале, выжидая, пока Яба не окажется один. Зима близилась к концу и злодей торопился.

«Стоп! А что с Ча И Соком?.. Его могли убить, пока он спит» .

Яба должен был защитить его, но тело не слушалось.

Он услышал смех бледного человека. Бескровное равнодушное лицо стало чётче.

«Нет! Ты его не получишь! И не мечтай!» – ударил Яба в стену кулаком. Конструкция задрожала.

Бледный человек рассверипел и попытался вломиться в душевую кабину. Ябе было страшно представить, что ждёт его потом. Ему казалось, что он уже лишается рассудка. Раздался рёв. Жуткий звук двойственной природы, одновременно и человеческой и чужеродной. И в это же время кабину затрясло. Издалека послышался чей-то зовущий голос. Барабанные перепонки разрывались от ужаса.

- Убирайся! Вон отсюда! - закричал Яба.

- ... Джин, а-Се Джин!

- Проваливай!

«Бах! Бах!» - несколько ударов по стеклу и оно треснуло.

Юношу накрыла тень. Он скрючился прижав голову к коленям. Его жазнь подошла к концу. Только эта мысль билась в голове. Стены будки осколками осыпались на пол.

- ...Се Джин! - кто-то разжал его руки и приподнял. Глаза расширились.

«Се Джин? Это ещё кто? Гадкое имя».

Но голос, который его произносил, был таким тревожным и приятным. Хотелось, чтобы он повторил это снова. Дрожащее пятно перед глазами сложилось в лицо Ча И Сока.

- Что случилось? - спросил обеспокоенный голос, прорываясь сквозь беспорядочный сердечный бой.

Это был не бледный монстр, но и не извращённый варвар.

- Ну и ну. Почему ты дрожишь?

- Он здесь! Запри дверь скорее, - произнёс Яба кусая губы.

- Он?.. Кто?

- Скорее же!

Дрожь в теле не унималась. Ча И Сок накрыл его широким полотенцем и вынес из ванной. Он уложил его на кровать и открыл ящик с лекарствами. На руке остались порезы от стекла и кожу саднило.

- Успокойся и расскажи. Что ты увидел?

- Бледный человек пришёл за мной. Он прячется в зеркале, и сейчас следит за нами.

Яба избегал смотреть в сторону гардеробной, но чувствовал холодное наблюдение из зеркала. Ча И Сок бросил туда беглый взгляд.

- Хм-м.. бледный человек..., - сказал он помолчав. - Худой, с красными губами и раскосыми глазами? Вечно с таким лицом, будто лимон проглотил. Ты о нём говоришь?

- Ты его видел? Когда он приходил к тебе?

- Я выбросил его из окна. От него осталась только эпичная лужа.

Яба недоумённо моргнул. Он всё ещё не мог согреться.

- Э-э нет, он так просто не отступит. Ему нужно поймать меня до весны.

- Почему?

- Эти демоны активны только зимой. После того, как они забрали маму, должно быть, положили на меня глаз.

За долгое время преследования, это всё, что он смог о них узнать.

- Он задурил мозги охранникам в коридоре и пробрался в квартиру, - сбивчиво продолжил Яба.
- Теперь прячется в зеркале и иногда выходит.

Лицо директора Ча не выдавало его мыслей.

- Пора отправить зеркала на свалку, а охранников на курсы выживания, - произнёс Ча И Сок, и мягко добавил: - Я от него избавился, теперь всё в порядке.

Неужели Ча И Сок убил бледного человека? И теперь тот больше не покажется? Сможет ли Яба спокойно провести остаток зимы? Ча И Сок странно выражался. В его речи сквозила тень двойного смысла, который ускользал от Ябы не давая себя разгадать. Но в те моменты, когда Ча И Сок говорил, всё казалось правдой. Он слизнул дрожащие слёзы с подбородка Ябы. По сравнению с ним, Ча И Сок поранился гораздо сильнее, на его локте кровоточила рваная рана. После того как он вынес стекло душевой кабины, он обошёл не самым серьёзным увечьем.

Забыв о том, что на нём нет ни нитки, Яба кинулся обрабатывать рану Ча И Сока. Затем

наложил мазь и забинтовал. Скроее всего было больно, так как лицо директора Ча исказилось. Яба предложил съездить в клинику, но в ответ Ча И Сок уложил его на кровать.

- Когда всё закончится...

Ча И Сока пробежал взглядом по его бедру к пустой кошонке.

- Это мы тоже исправим, - произнёс он не отводя от неё глаз.

Томный голос не предполагал шуток.

Куда Кан Ги Ха дел его яйца? Выбросил как мусор? Они были для Ябы гордостью, его будущим. Но его отбрали. Кожный мешочек нужно наполнять. Яба ощупывал его ежедневно, но убеждался, что ничего не изменилось, будто раз за разом сдирая заживающую болячку. Он обещал себе найти своё украденное будущее. В его горле застрял ком.

Яба срывал обои, разбрасывал аккуратно сложенную одежду в гардеробной, распустил любимый свитер директора Ча. Даже не смотря на то, что юноша бездельничал целый день, никто не наказывал его как в «Парадизо» и не запирали в доме для наказаний. Вместо этого Ча И Сок подпиливал ему ногти и снабжал странными игрушками. Трудно было сказать, кто кого испытывал.

- Зачем тебе это? - спросила кошка и подняла глаза.

Мизофобия Ябы не позволяла ему расслабленно принимать подарки и прочие блага.

- Чтобы ты каждый день напевал мне сказки на ночь, - пробормотал Ча И Сок, разглядывая стыдливо покрасневшую шею кошки.

Травма Яба была неизмеримо глубока. Глупо было думать, что она появилась только из-за принимаемых наркотиков. Но Ча И Сок приведёт эту кошку в идеальное состояние. Будь то тело или мысли, осквернить их позволено только Ча И Соку. Остальное он уничтожит, ничего не уцелеет: ни бледный человек, ни насекомые, ни гниль прошлого, что точит его настоящее.

Ча И Сок ласкал губами шрамы от ожогов на шее и красные метки на запястьях. После глубокого влажного поцелуя кошка запела. Зазвучал голос, подобный свечению зари в утренних сумерках. Струны виолончели шептались с ветром:

«Как на рынке в Скарборо,

Розмарин, шалфей и тимьян...»

Ча И Сок глубоко вздохнул. Он так давно этого ждал. Его мысли затуманились, словно от алкоголя после долгого воздержания. Иногда ему снилось, что кошку пожирает монстр, заставляя петь. Теперь, когда в него хлынул этот звук, кошмары должны отступить. Акварельный голос дурманил голову и парализовал конечности. Он проникал в самые отдалённые и тёмные участки мозга, наполняя видами другой реальности, которая не была ни частью Рая ни Ада.

С началом каждой строчки грудь Ябы поднималась. Его голос совершал новые витки описывая траекторию оставленных Ча И Соком поцелуев.

Два чёрно-серых оникса исторгали порочный свет. Губительная страсть словно вирус захватывала директора Ча. Хотелось впиваться в губы и вгрызаться в шею. Съесть внутренности и обглодать кости. Ча И Сок сгорал от желания проглотить Ябу целиком.

Он смог обуздать свой голод, припав к красным ареолам и ощутив сердцебиение внутри. Ча И Сок втягивал соски подобно младенцу сосущему материнскую грудь. Стоны наполнили его рот как молоко.

Низкий голос встретился с нежным и мягким.

«Разыщешь ту, чей нрав суров,

И напомни про меня...»*

*П.п.: История песни и полный перевод в конце главы.

Ча Мён Хван смотрел в потолок. Серия приступов и доза успокоительного с утра лишили его сил. Он потерял аппетит и избегал необходимых процедур после того, как его люди подтвердили факт смерти Ябы.

- Где вы его прячете? Вы забрали его...

Из его комнаты вынесли все потенциально опасные предметы и санитары были в постоянном ожидании. Ча Мён Хван вцепился в покрывало.

- Документы подделаны! Я вам этого с рук не спущу! Что вы хотите за него? Я заплачу любую цену...

Гневные тирады сменились отчаянной мольбой. Он бы встал на колени если бы физически мог. В его нынешнем состоянии лечение зашло в тупик.

Председатель Ча смотрел на сына с камнем на сердце. Отсутствующий взгляд Ча Мён Хвана устремлённый в одну точку внушал опасения, что он отказался от борьбы за жизнь. Всего неделю назад улучшения позволили ему посетить официальный приём, а сегодня он отказывался от еды, лечения и даже песен Целителя. Приходя в сознание он снова терзался приступами психоза и его долго поддерживали седативными препаратами. Не в силах чем-либо ему помочь, его жена не переставала лить слёзы.

Когда-то он женился по выбору и настоянию отца. Его слово было для Мён Хвана законом. Но сейчас сын, который ни разу не вспылал интересом ни к одной женщине, сгорал в любовной лихорадке стремительней, чем от рака. Он бредил только одним человеком: неизвестным низкосортным певцом.

- Найдите его. Даже если он мёртв или это кто-то на него похожий. Доставьте его сюда.

- Да... хорошо...

С озадаченным лицом секретарь ссутулился в поклоне. В следующий миг тело Мён Хвана затряслось. Его конечности свело судорогой и лицо начало синеть. Доктор Янг проверил зрачки.

- Он не дышит!

Температура тела упала.

Председатель Ча кинулся к сыну. Доктор Янг начал непрямой массаж сердца, но реакции не последовало.

- В машину его быстро! - закричал председатель.

- Готовьте машину! Его язык обмяк. Медсестра Ким, подержите рот президента Ча открытым.

- Милый, нет!

Перед глазами Ча Мён Хвана брезжил слабый свет. Нечёткие фигуры и женский плач то проступали то исчезали. Он не чувствовал тела. В нём накопилась усталость. Образ Ябы в памяти был ярче, чем все, кто его окружал прямо сейчас.

Юноша прятал лицо под маской, которая разжигала фантазии. Мён Хван пытался поймать его, но не смог дотянуться.

«Так вот значит, каков Ад. Ну и пусть, лишь бы только ещё раз услышать его голос...»

Яба повернулся к нему и взял за руку. Икоса смотря на МёнХвана он запел, интонируя произвольные звуки.

«Он никогда так не улыбается. И так легко у него не выпросить песню. Что это? Галлюцинация?»

К президенту «Тэ Рён» давно относились как к смертельно больному. Терпели от него оскорбления, потому что знали, что он скоро умрёт. Но встретив Ябу, Мён Хван не ощущал себя смертельно больным. В его присутствии становился самим собой.

«Если мне выпадет шанс снова тебя увидеть, в Аду или другом мире, прошу тебя, улыбнись мне так же, как сейчас. И спой...»

Голос из призрачной пустыни наполнил его долгожданной влагой. Окунувшись в волны мрачного голоса, холодного как и лицо под маской, Мён Хван почувствовал облегчение и его мысли растворились в тёмной глубине.

Крики людей стихли. Проблески света исчезли.

* * *

Ча И Сок небрежно припарковался у здания. Утром ему внезапно позвонили. Оказалось, Ча Мён Хвана перевезли в реанимацию частной клиники. Когда он поднялся в люкс-палату, в холле его уже ждали председатель Ча и невестка. Помощники и охрана держались на расстоянии. Над дверью палаты горела вывеска «не входить». Председатель с посеревшим лицом не сводил с неё глаз.

Вот он: человек, который отказывал в любви своим дочерям, отчаянно ищущим его внимания. Его нынешний вид вызывал улыбку.

Ча Мён Хван протянул дольше, чем от него ожидали. В тесном мире для таких бесполезных людей не было места.

Легкой походкой Ча И Сок медленно прошёл через холл. Невзирая на присутствующих, невестка кинулась к нему на шею.

- Ах, молодой господин! Он!.. Доктор Янг сказал, что надо подготовиться. Как же так? Молодой господин! Хны...

Эту жалкую женщину хотелось растоптать. Глаза председателя расширились. Куцый лев, потерявший голос.

«Цк, цк..» - щёлкнул языком директор Ча. Он приобнял невестку за талию и похлопал по спине.

- Ну-ну, возьми себя в руки, сестра, а то сама сляжешь, - успокаивал её Ча И Сок, не разрывая зрительный контакт с отцом.

Когда этот царя зверей сбросят с трона, он уйдёт в изгнание, прижимая фото мёртвого сына к груди. Волна сладостной дрожи захлестнула низ живота.

Дверь палаты распахнулась и вышел доктор Янг. Изумление в его глазах говорило о том, что он столкнулся с невысказанным. Председатель Ча и невестка повернулись к нему в напряженном ожидании.

- Я не знаю, как сказать вам об этом... - нерешительно произнёс доктор, пригладив седеющие волосы. - Я сам этого не ожидал, но...

Доктор Янг, чьи нервы выдерживали беспросветное хамство Мён Хвана, теперь сам изливал поток бессвязного бреда.

- Да, говорите наконец! В чём дело? - не выдержал председатель.

Взгляд доктора дрогнул за серебряной оправой очков. Он глубоко вздохнул:

- У президента Ча...

Тишина сгустилась тучей, где каждый миг грозил разрядом.

-... больше нет раковых клеток.

Конец 36 главы.

*П.П.: Яба поёт песню из Английского фольклора «Scarborough Fair» - ироничная баллада с запоминающимся мотивом. Несмотря на простоту мелодии, сохранять ровность голоса при её исполнении нелегко. Поётся она от имени персонажа, который ждёт от возлюбленной совершения ряда невыполнимых заданий, в обмен на его преданную любовь. В различных уголках Англии количество куплетов разнится, добавляются новые задания, а какие-то наоборот отсутствуют. Ниже приведён перевод куплетов, обычно входящих во все варианты этой песни.

Как на рынке в Скарборо,

Розмарин, шалфей и тимьян,

Разыщешь ту, чей нрав суров,

И напомни про меня

Пусть мне платье смастерит,

Без иголок, ниток и швов,

Шалфей, тимьян и розмарин,

Тогда буду к свадьбе готов.

Изо льна сплетёт она ткань

На тропе под дубом лесным.

Розмарин, шалфей и тимьян,

С ней тогда не расстанемся мы.

Ты зазнобу мою проводи,

Розмарин, шалфей и тимьян,

К колодцу древнему без воды

Чтобы мой постирала наряд

Пусть просушит его над кустом,

Что листвою не обрастал

С допотопных времён.

Розмарин, шалфей и тимьян

Когда мне найдёт дом обжитой,

Розмарин, тимьян и шалфей,

Где-то между небом и землёй.

То станет навечно моей.

Накажи, чтоб вспахала надел

Рогом белого быка

Тимьян, розмарин, и шалфей,

И будет со мной на века.

Ну а если ответит она,

Что мой замысел невыполним,

То намерения достаточно,

Шалфей, тимьян, розмарин.

<http://bllate.org/book/14585/1293831>